
Камила Левитан ✦ Виктория Шнайдер
Развод с предателем.
Ты продал мою ферму ради любовницы,
но я уничтожила твои планы!

Виктория Шнайдер
Камила Левитан

Развод с предателем. Ты продал мою ферму ради любовницы, но я уничтожила твои планы!

https://litres.ru/74726588
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж уничтожил всё, что я строила десять лет.

Пока я выращивала урожай и спасала нашу ферму, он набирал долги, развлекался с молодой любовницей и готовил предательство.

Однажды меня просто не пустили домой. Землю арестовали, технику забрали, а собственный сын поверил лжи отца.

Игорь был уверен, что я сломаюсь.

Но он забыл, с кем связался.

Мой богатый сосед Виктор предложил помощь. Только его условия оказались опаснее, чем я предполагала.

Теперь мне предстоит бороться не только за ферму, но и за право самой распоряжаться своей жизнью.

Я верну свою землю. И больше ни один мужчина не будет моим хозяином.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 28
Глава 5 35
Глава 6 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Камила Левитан, Виктория Шнайдер Развод с предателем. Ты продал мою ферму ради любовницы, но я уничтожила твои планы!

Глава 1

Я купила новые сапоги. Кожаные, с высоким голенищем, чтобы не промокать в междурядьях после дождя. Гордилась ими, как девочка новой куклой, и теперь они стояли по колено в липкой, вонючей жиже перед воротами «Зеленой долины».

Мои пальцы дрожали, когда я пыталась вставить старый ключ в замочную скважину. Звонкий металлический лязг ударил меня по нервам сильнее, чем крик. Замок был другой. Массивный навесной амбарный замок, ржавый от сырости, висел на цепи, которая раньше держала мои собственные ворота.

— Закрывайся, хозяйка. Тут теперь не твоя земля.

Голос принадлежал охраннику. Не знакомому дяде Коле, который всегда подмигивал мне, выпуская трактор, а чужому мужику в черной куртке с эмблемой коллекторского агентства. Он грубо оттолкнул мою руку, когда я попыталась достучаться до него взглядом. Его запах — дешевый табак и пот — смешался с запахом гнилой соломы из открытого ангара за спиной.

Я ещё держала ключ перед собой, хотя охранник уже отвернулся. Объяснять ему про ошибку юриста было бесполезно: он даже не собирался меня слушать.

Пока я стояла, чувствуя, как холод пробирается сквозь подошву новых сапогов, сбоку раздался скрип. Соседка, Людмила Ивановна, которая годами шипела про «эко-мошенничество», подъехала на своей старенькой «Ниве». Она даже не вышла из машины, только опустила стекло ровно настолько, чтобы её голос долетел до меня.

— Видела Игоря вчера, Марина. В белом «Мерседесе». С девчонкой лет двадцати пяти. Они хохотали у магазина одежды. А сегодня тут пломбы. Совпадение? Или ты наконец поняла, кто тебя окрутил?

Её слова впивались занозами. Пусть бы проваливала со своими новостями. Сама я всё видела ещё неделю назад, когда Игорь сказал, что уезжает на конференцию в Дубай. И всё-таки поверила ему. Сейчас соседка ждала ответа, а я стояла перед ней с ключом от чужого замка.

Руки затряслись так сильно, что сумка соскользнула с плеча и шлепнулась в грязь рядом с моими ногами. Подхватив её за ремень, я снова повесила сумку на плечо. Тошнота подкатила к горлу волной, горячей и удушающей. Раньше этот запах сырости и прелого сена был для меня родным, он означал жизнь, урожай, будущее. Теперь он пах смертью моего труда. Я не могла уйти. Просто развернуться и уехать было бы предательством самой себя. Мне нужно внутрь. Любой ценой.

Я обошла фронтальный вход, где уже собирались любопытные зеваки, и направилась к задней калитке. Та, что вела к гаражу и техническим службам. Калитка была приоткрыта. Кто-то забыл закрыть её на засов в спешке.

Шаг за шагом я пробиралась через заросли крапивы, чувствуя, как стебли царапают руки. Внутри двора царил хаос. Коробки, мусор, следы шин. И там, у входа в жилую часть дома, стоял парень. Молодой, лет двадцати пяти, в идеально сидящем сером костюме, который выглядел здесь так же нелепо, как балетная пачка в свинарнике. Он листал планшет, щурясь от солнца.

— Простите, — мой голос сорвался на шепот.

Он поднял глаза. Холодные, равнодушные, оценивающие. Как будто я была товаром, который ему поручили инвентаризировать.

— Вы кто?

— Я... я живу здесь. Марина Соколова. Хозяйка фермы.

Парень усмехнулся, коротко и сухо.

— Бывшая супруга должника. Документы на право собственности предъявите. Без них доступ в жилую зону закрыт. Решение суда об аресте имущества уже исполнено.

Документы. Все активы были оформлены на ООО «АгроИнвест», директором которого числился Игорь. Юридическая ловушка, которую я считала бюрократической формальностью, оказалась бетонной стеной. У меня на руках ничего нет. Ни паспорта на землю, ни права голоса. Я была здесь лишней.

Я достала телефон. Пальцы скользили по экрану, влажные от пота. Набрала номер Игоря. Гудки шли долго. Так долго, что я успела почувствовать, как сердце выпрыгивает из груди.

— Алло.

Голос был спокойным. Слишком спокойным. На фоне слышался шум аэропорта или бара, звон бокалов, смех людей.

— Игорь, что происходит? Там люди, пломбы... Твой помощник не пускает меня в дом. Где ты?

Пауза длилась секунду, но мне показалось, что прошла вечность.

— Марина, мы всё обсудили с адвокатами. Ты мешала мне расти. Ферма была балластом, твои идеи об «органике» и «возрождении почвы» — это инфантилизм. Я принял решение. Развод. Не пиши мне больше, я сменю номер.

Щелчок. Отбой.

Закрыв вызов, я открыла галерею. Последняя наша общая фотография была сделана прошлым летом. Мы вдвоем на фоне золотого поля пшеницы. Он обнимает меня за плечи, улыбается в камеру, а я смеюсь, показывая ему колосок. Тогда я верила, что он мой партнер. Мой друг. Мой мужчина. Сейчас эта картинка вызывала физическую боль, словно кто-то брал раскаленные щипцы и вырывал кусок мяса из души. Образ любящего мужа рассыпался в пыль, оставляя после себя лишь осколки самонадеянности.

Калитка со стороны двора скрипнула. Из тени вышел дядя Вова, наш старый сторож. Лицо его было землистым, глаза бегающими.

— Маринка... — прошептал он, оглядываясь. — Тебя сюда нельзя. Но я могу помочь. Окно на первом этаже. Оно не заколочено. Быстро.

Я не спрашивала, почему он помогает. Вова всегда был на моей стороне, он помнил, как я возилась с рассадой в теплице, пока другие спали.

Мы прошли мимо парня в костюме, который увлеченно спорил по телефону, не заметив нас. Дядя Вова помог мне перебраться через подоконник. Я влетела внутрь, как птица, в темноту гостиной.

Тишина была оглушающей.

Мебели не было. Совсем. Только круглые пятна на паркете, где стояли диваны и столы. Стены голые, без фотографий,

без картин, без следов нашей жизни. Пахло не борщом, не свежей выпечкой, а пылью, плесенью и пустотой.

На кухне я открыла шкафчик над плитой, верхний правый. Там я хранила свои сокровища. Баночки с семенами редких сортов томатов, которые выводила десять лет. Семена огурцов, устойчивых к холодам. Семена тыквы, которую я мечтала продать в рестораны Москвы.

Шкаф был пуст.

Не просто пуст. Вычищен до блеска. Даже крошек не осталось.

Я провела пальцами по полке. Здесь стояли баночки, на которых я от руки писала год и сорт. Теперь даже проверить было нечего: ни одной затерявшейся семечки в углу. Десять лет отбора. Я опустилась на колени на холодный кафель. Глаза жгло, и я крепко зажмурилась — только бы не разрыдаться здесь, у вычищенного шкафчика.

Внезапно дядя Вова, который остался снаружи, тихо позвал:

— Маринка! Выходи! Быстро!

Я выбралась обратно во двор, ноги стали ватными. Вова схватил меня за рукав куртки, его пальцы были ледяными.

— Я видел, как их грузят. Техника. Комбайны, тракторы. Они не на склад повезли, не на продажу. Они перегнали часть машин на соседнее поле. Поле Виктора Соколова.

Имя прозвучало как гром среди ясного неба. Виктор Соколов. Инвестор. Человек, который предлагал мне слияние

два года назад, а потом исчез, сказав, что «не готов работать с романтиками».

— Он говорил, что Игорь — мина замедленного действия, — продолжил Вова, понизив голос до шепота. — Он ждал этого момента. Он знал, что тот заложит всё.

Я повернула голову к горизонту. Над полями, туда, где начинались владения агрохолдинга «Сокол», двигались фары грузовиков. Длинные световые лучи резали сумерки, как скальпели. Мои комбайны. Мой трактор. Всё, что я любила, увозили прочь.

Это не развод. Это рейдерский захват. И третий игрок уже на поле.

Ветер ударил мне в лицо, принес запах дизельного топлива и далекую грозу. Телефон в кармане завибрировал. Один короткий сигнал.

Я достала его. Экран светился в полумраке.

Незнакомый номер.

Сердце пропустило удар. Виктор? Неужели это он — волк, который наблюдал за моим падением? Вова говорил: он знал.

Палец завис над кнопкой ответа. Страх смешивался с злостью, с жаждой справедливости, с непонятной, тошнотворной надеждой. Если он ждал этого момента, значит, у него есть рычаги. Значит, он может добить меня окончательно. Или вытащить из этого дерьма.

Я не ответила сразу. Смотрела на удаляющиеся огни грузовиков, увозящих мою жизнь. Потом перевела взгляд на но-

мер на экране.

Я нажала кнопку ответа.

— Марина. Это Виктор. Не выключай телефон. Нам нужно поговорить.

Я оборвала звонок. Сначала — банк. Я должна была узнать, что Игорь оставил мне на счетах.

Глава 2

Палец скользил по экрану, оставляя жирные разводы от дождевых капель и собственной грязи. Я нажимала «Войти» в банковском приложении уже двадцать третий раз за последние пять минут. Пальцы дрожали не от холода — хотя ноябрьский ветер прокусывал куртку насквозь, — а от ярости, которая поднималась из желудка ледяной волной.

«Введите код подтверждения», — гласил белый прямоугольник.

Я знала, куда приходит этот код: он приходил на номер Игоря. На его личный телефон, который он забрал с собой вместе с ключами от дома, машинами и моей жизнью. Десять лет мы жили в одном ритме: я пахла навозом и свежескошенным сеном, он пах дорогим парфюмом и канцелярским клеем. Но даже в этом асимметричном союзе у меня был доступ к деньгам. Был.

Я набрала его номер. Гудки. Длинные, бесконечные, издевательские.

Написала в мессенджер: «Игорь, открой доступ. У меня нет денег на корм для дойных коров. Они начнут падать через сутки. Ответь!»

Отправка зависла. Крутящийся значок сменился красным треугольником. Сообщение не доставлено.

Я перезвонила снова. Автоматическая отбивка ударила в

ухо так громко, что я чуть не выронила телефон: «Номер абонента недоступен».

Я ещё раз посмотрела на красный треугольник возле сообщения. Даже эти две строчки до него не дошли. До коров в стойлах ему, конечно, тоже не было дела.

Проклиная телефон, дождь и собственную беспомощность, я села в «УАЗик» и поехала в райцентр. Банк был единственным местом, где со мной ещё обязаны были разговаривать по закону, а не по указке Игоря.

Офис банка в райцентре пах кондиционером и дешевым кофе из автомата. Я толкнула стеклянную дверь, оставив на полу мокрые следы ботинок, испачканных в фермерской глине. Секьюрити посмотрел на меня с таким выражением, будто я только что вышла из болота, а не с собственного поля. Возможно, так оно и было.

— Добрый день. Мне нужно восстановить доступ к счетам, — голос звучал чужим, хриплым.

Менеджер, молодой парень с прыщиками на подбородке, полировал ногти об столешницу, даже не подняв глаз.

— С какими именно?

— ООО «АгроИнвест», ферма «Зелёная долина». И мои личные накопления. Там лежали деньги на ремонт теплиц.

Он наконец посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло узнавание, смешанное с жалостью. Это хуже презрения. Жалость — это когда тебя считают жертвой обстоятельств, которую можно легко обмануть.

— Простите, но деньги с ваших счетов переведены на корпоративное юрлицо, — сказал он ровным тоном, как диктор погоды. — ООО «АгроИнвест». Вы там числитесь... консультантом. Без права первой подписи и без доступа к онлайн-банкингу. Для изменения статуса клиента требуется личное присутствие генерального директора или нотариальная доверенность.

— Он мой муж! — выплюнула я.

— Он уже подал на развод, — уточнил менеджер, глядя в монитор. — В документах, которые он принес, заявление датировано прошлым месяцем. По личному счету выписку дам. По счету фирмы — только уполномоченному лицу. Ваш муж эту доверенность отозвал.

— Покажите мне выписку. За последний год.

— На втором личном счете есть возврат от Игоря, — менеджер повернул монитор. — Эти деньги заморожены по судебному спору. Доступ к ним придется восстанавливать отдельно. Я отмечу номер дела в выписке.

Он вздохнул, потянулся к клавиатуре, печатая что-то медленнее, чем обычно. Бумага вылезла из принтера шуршащим змеем. Я схватила её, чувствуя запах термобумаги. Глаза пробежали по строчкам, и мир вокруг начал сужаться, становясь туннелем.

«ООО "АгроИнвест". Перевод. 150 000 руб.»

«ООО "АгроИнвест". Перевод. 340 000 руб.»

«ООО "АгроИнвест". Перевод. 85 000 руб.»

«Оптимизация», — говорил Игорь, когда просил перевести деньги. Я искала в выписке обратный перевод. Хотя бы один. На этом счете его не было: все суммы уходили в одну сторону.

Я помнила эти суммы. Я считала каждую копейку, чтобы купить новый комбайн, чтобы починить крышу над ангаром. А теперь эти деньги лежали на счете, к которому у меня не было доступа. Игорь распоряжался ими, пока я тут, в грязи, считала, на сколько дней хватит корма коровам.

Первый физический след предательства лежал в моих руках, мокрый от пота.

Выписку я сложила вчетверо и сунула за пазуху, к телу. Шуршащая термобумага — первое вещественное доказательство, что я не сошла с ума и всё это происходит на самом деле.

Выходя из банка, я наткнулась на Лешу, нашего бывшего бухгалтера. Он стоял у моего старого «УАЗика», нервно куря, хотя сигарета давно погасла в пальцах. Его лицо было серым, глаза бегали, как у загнанного зверя.

— Марина Сергеевна... — прошептал он, подойдя ближе. Запах от него шел кислый, страхом.

— Чего молчал, Леша? — спросила я тихо, но жестко.

Он сунул мне под нос потертую папку с документами. Руки тряслись так сильно, что бумаги шуршали.

— Он всё оформил на себя три месяца назад. Подделал протоколы собрания учредителей. Я боялся говорить. Он

обещал мне золотые горы, если я буду молчать. А потом... потом он исчез.

Я взяла папку. Внутри лежали копии договоров займа с микрофинансовыми организациями. Проценты драконовские. Заложен весь актив: земля, техника, скот. Игорь не просто крал. Он продавал нас кусками, чтобы покрыть убытки от игры на бирже.

Из папки выпала фотография. Я подняла её. На снимке Игорь обнимал за талию длинноногую девушку в коротком платье. Они стояли на фоне моего же дома. Того самого, где висела люстра, которую я выбирала два года. Девушка смеялась, запрокинув голову, а Игорь смотрел в камеру с самодовольной улыбкой победителя.

Я перевернула фото. На обороте маркером было написано: «Вчера».

Пока я ночевала у соседки, потому что вход в дом опечатали коллекторы, они пили вино на моей веранде. Смеялись над тем, как быстро всё рухнуло.

Леша ушёл первым, кутаясь в воротник и оглядываясь через плечо. Папку с договорами я оставила у себя; фотографию — тоже. Выбросить её там, на глазах у чужих людей, я не смогла.

Дождь усилился. Небо низкое, свинцовое, давило на плечи. Я ехала домой, точнее, туда, что осталось от дома. Шлагбаум был поднят, охранник сидел в будке, отвернувшись к окну. Он видел мою машину, но не остановил. Зачем оста-

навливать хозяйку, если юридически ты теперь никто?

Я подъехала к гаражу с тыльной стороны участка. Здесь раньше хранились инструменты, которые Игорь ненавидел трогать грязными руками. Дверь была вскрыта. Ржавые петли визгливо скрипнули, когда я открыла её.

Внутри пахло сыростью и металлом. Посреди бетонного пола стояла пустая коробка из-под сейфа. Крышка была выдрана с мясом, гвозди торчали в стороны. Самого сейфа не было. Документов тоже.

На капоте старой «Нивы», заросшей пылью, лежала записка. Почерк Игоря. Аккуратный, юридический, лишенный души.

«Не ищи меня. Ты мешала мне расти. Прощай».

«Расти». Как сорняк. Как раковая опухоль.

Я ударила кулаком по ржавому металлу. Боль пронзила костяшки, острая и честная. Она заглушила тот гул, который стоял в голове с момента прочтения выписки. Я не плакала. Слёзы были роскошью, на которую у меня больше не было времени.

Телефон завибрировал в кармане куртки. Экран показал неопознанный номер.

Я ответила, не говоря ни слова.

— Вижу, ты нашла то, что осталось, — голос был низким, бархатистым, с легкой хрипотцой. Виктор. Инвестор из соседнего района, человек, которого называли «волком в овечьей шкуре».

— Откуда вы знаете? — спросила я, и мой голос дрогнул впервые за день.

— У меня есть свои люди на вашей земле. Или точнее, на том, что от неё осталось. Заходи ко мне, Марина. У нас есть о чем поговорить, прежде чем тебя окончательно сотрут в пыль.

Я повесила трубку.

Телефон я так и сжимала в ладони, пока экран не погас. В гараже пахло мокрой пылью и чужим присутствием; записка Игоря лежала на капоте, ровная и безжалостная, как его почерк.

Ехать к Виктору сейчас означало попасть в другую клетку. Может, и более уютную, но всё равно клетку. Мне нужен был союзник, которому я могла бы доверять хотя бы наполовину. Мой сын. Дима. Единственный человек, ради которого я еще держалась.

Я позвонила ему. Три гудка.

— Алло? Мам? — его голос был молод, еще совсем мальчишеский, но напряженный.

— Дима, слушай меня внимательно. Игорь... он совершил мошенничество. Он заложил ферму. Но я справлюсь. Мне нужно время. Если придут какие-то люди, скажи им, что ты ничего не знаешь. Просто не открывай двери никому кроме полиции.

Тишина в трубке была оглушающей. Потом последовал холодный, расчетливый ответ, который пробил меня на-

сквозь сильнее, чем любой удар кулаком по металлу.

— Мама, отец сказал, что ты проиграла ферму в карты. Что должники придут за мной. Он сказал, что я не должен с тобой общаться, чтобы не быть частью этого цирка. Я не хочу. Не звони мне.

Клик. Занято.

Я всё ещё прижимала телефон к уху. «Дима, подожди» уже ничего не изменило бы: короткие гудки шли один за другим. Сын поверил, что я проиграла ферму в карты. Мой сын, который видел, как я возвращаюсь с поля и засыпаю, не успев поесть. Я опустила телефон. Игорь поговорил с ним первым.

Глава 3

Я сидела на пороге своего бывшего дома. Ступени были мокрыми, вода текла по рукавам куртки, холодя кожу до синевы. Дождь барабанил по крыльцу, создавая белый шум, в котором растворялись звуки мира. Я смотрела на свои руки. Грязные, в мелких порезах от проволоки, с обломанными ногтями. Руки работницы. Руки человека, который знает цену вещам.

Из тумана, клубящегося над дорогой, выехал черный внедорожник. Фары слепили, словно прожекторы допроса. Машина остановилась в метре от ступеней, плеснув воду на мои ботинки.

Дверь открылась. Виктор вышел первым. Высокий, в дорогом пальто, которое стоило больше, чем вся моя прошлогодняя прибыль от молока. Он не держал зонта. Дождь стекал по его плечам, но он даже не морщился. Его взгляд упал на меня. Оценивающий. Жесткий. Холодный, как зимний воздух.

Он подошел ближе и остановился перед ступенями. Пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Вставать я пока не собиралась, хотя он явно этого ждал.

— Я могу купить твои долги сегодня, — сказал он. Голос был спокойным, деловым, без капли сочувствия. — Полностью. С процентами и штрафами.

Я молчала, сжимая челюсти так, что заныли зубы.

— Но условия будут жесткими, — продолжил он, глядя на мои дрожащие руки. — Ты будешь работать на меня. Управлять моим проблемным хозяйством в Заречье. Без права голоса. Без выходных. Пока не докажешь, что стоишь того. Что ты не просто сломанная игрушка, а инструмент.

Сделка с дьяволом. Он знал, что я истощена. Он знал, что у меня нет другого выбора. Он предлагал спасение ценой моего достоинства.

Я хотела сказать «нет». Гордость требовала плюнуть ему в лицо и уйти в ночь. Но в голове вспыхнули образы: голодные коровы, которые начнут падать через сутки; долг перед поставщиками семян, который грозил уголовкой; холодный тон Димы в трубке.

Поднялась я медленно: ноги гудели от долгого сидения. Вытерла грязь с лица тыльной стороной ладони, оставляя размазанную полосу.

— Хорошо, — сказала я. Голос был тихим, но твердым, как камень.

Виктор кивнул, словно ожидал именно этого ответа. Он повернулся к машине.

— Садись. Мы едем смотреть твой будущий офис.

Я шагнула к нему, чувствуя, как внутри, вместо страха, начинает разгораться злость. Горячая, черная, очищающая. Он думал, что покупает меня? Нет. Он давал мне щит. Временный, тяжелый, неудобный, но щит. Под ним я соберу

компромат. Под ним я найду дыры в его системе. Я соглашалась не из слабости. Я соглашалась, чтобы иметь возможность убить его репутацию позже.

Дверцу я притянула с лишним усилием — привычка по «УАЗику», где двери приходилось хлопать, чтобы захлопнулись. Виктор обошёл машину спереди и сел за руль.

В салоне внедорожника пахло кожей и сигарами. Тишина была плотной, давящей. Виктор не заводил двигатель сразу. Он протянул мне свой телефон, экран которого светился мягким голубым светом.

— Посмотри.

Я взяла устройство. На экране открыт новостной портал с региональными событиями. Заголовок кричал жирным шрифтом: «Известный инвестор Игорь В. спасает убыточное хозяйство "Зелёная долина" от банкротства».

Под статьей было фото: Игорь в объятиях уже знакомой инфлюенсерши. Он выглядел уставшим, но благородным героем. А ниже, в комментариях, был пост от имени моего профиля. Поддельный.

«Наконец-то муж разобрался с моими долгами. Я была некомпетентна, спасибо ему за терпение и мудрое решение» — было написано от моего имени.

Я перечитала комментарий от своего имени. Даже мою фотографию оставили — на случай, если кто-то усомнится, что это писала я. Теперь любой клиент мог увидеть, как я благодарю Игоря за разорённую ферму. Кто поверит моим

объяснениям после такого? Он уже успел рассказать всем свою версию и вложить подтверждение мне в рот.

Чтобы вернуть землю, мне нужно было не просто заплатить долги. Мне нужно было уничтожить его легенду. Развеять дым, которым он окутал правду.

Я подняла глаза на Виктора. Он наблюдал за мной пристально, оценивая мою реакцию. И вдруг, в отражении зеркала заднего вида, я увидела, как уголки его губ дрогнули. Едва заметная улыбка. Хищная, удовлетворенная.

— Вот теперь ты интересна, — произнес он тихо.

Виктор завел двигатель. Машина взревела; я вцепилась в край сиденья. Я посмотрела в зеркало заднего вида, проверяя дорогу за нами.

И замерла.

Из-за угла двора, прямо из темноты, шагнул человек. Игорь. Он не прятался. Не убегал. Он стоял посреди дороги, держа в руке смартфон, направленный объективом на нашу машину. На меня.

Он улыбался той улыбкой, которую я любила десять лет назад. Теплой, обаятельной, обещающей защиту. Теперь эта улыбка выглядела как оскал гиены, готовой сожрать падаль. Он снимал меня. Момент моего падения. Доказательство того, что я принадлежу другому мужчине. Чтобы использовать это видео. Чтобы добить меня окончательно.

Свет задних фонарей выхватывал его лицо, но он не отворачивался. Только усмехнулся шире.

На следующее утро я вернулась к ангару, где хранилось наше зерно. Десять лет я растила и собирала его на этих полях. Это было не просто зерно. Это были мои бессонные ночи, мои обожженные руки от жатвы, моя гордость. А теперь это была чья-то цифра в Excel-таблице коллектора.

Мужик в дешевом костюме и с бейджем «Оценщик» даже не посмотрел на меня. Он возился с ржавым навесным замком, который я сама вешала прошлой осенью.

— Пустите, — мой голос сорвался в хрип. Я схватилась за холодное железо цепи, пальцы побелели от напряжения. — Там внутри ваше же будущее. Вы не имеете права...

— Имею, гражданка. Судебный пристав выдал ордер. У вас доверенности нет? Нету. Тогда идите гулять.

Двое охранников из той же конторы, что и оценщик, мягко, но неотвратимо оттеснили меня назад. Их ладони лежали на моих плечах тяжело, как гиря. Я споткнулась о камень, упала на колени в грязь. Джинсы промокли мгновенно, холодный ноябрьский ветер резал лицо. Я подняла глаза. В ангаре было темно. И тихо. Слишком тихо для места, где должно пахнуть пылью и живыми культурами.

Телефон завибрировал в кармане куртки. Экран светился именем: Игорь.

Я приняла видеозвонок и поднесла телефон ближе, стараясь дышать ровнее, чтобы он не услышал всхлипов. Но я услышала смех. На заднем плане, за спиной Игоря, звенел высокий, тонкий смех какой-то девчонки.

— Подпиши акт, Марина, — голос мужа был сухим, деловым, будто он обсуждал отчет по кварталу, а не разрушение нашей жизни. — Добровольная передача имущества. Если не подпишешь сейчас, я подключу юристов по квартире Димы. Ты знаешь, что они могут сделать с его кредитной историей? С его стипендией?

На экране телефона мелькнуло лицо девушки. Она сидела на чужом диване, в моем платье, которое я купила на годовщину свадьбы. Она поправляла прядь волос, глядя прямо в камеру, и ее глаза смеялись над моими слезами. Над моим унижением.

— Ты ублюдок, — прошептала я.

— Я бизнесмен, — поправил Игорь. — А ты — балласт. Подпиши или потеряешь всё, включая сына.

Смех на фоне стал громче. Я попросила бы её снять моё платье, если бы ещё могла говорить. Но Игорь снова произнёс имя Димы, и я больше не вынесла его лица на экране.

Я швырнула телефон. Не аккуратно, не бережно. Со всей силы, на размокшую землю у ворот. Стекло треснуло. Картинка с насмешливой мордой исчезла. Осталась только тишина и тяжесть в груди. Я подняла его за грязный чехол. Экран еще светился, перечеркнутый трещинами. Сунула телефон обратно в карман.

Позади меня послышалось шарканье ног. Петрович. Наш старший тракторист. Тот, кто держал меня на руках, когда я родила Диму. Тот, кому я платила больше всех, потому что

он знал каждую гайку в нашем комбайне лучше, чем я знала свои мысли.

Он стоял в стороне, опустив голову. Его засаленная спецовка висела мешком. В руке он держал связку ключей от техники.

— Петрович? — спросила я. Голос дрогнул. — Скажи им. Скажи, что техника моя. Что мы вместе строили этот двор.

Старик молчал. Его челюсти сжались так, что желваки прыгали под серой кожей. Он посмотрел на меня краем глаза. Там не было сочувствия. Только страх. Страх перед человеком, который мог уволить его в одно мгновение, лишить заработка, которым он дополнял свою пенсию.

Петрович протянул ключи одному из охранников. Я ждала, что он хоть повернётся ко мне. Старик разжал пальцы и уставился себе под ноги.

Звяканье металла о металл прозвучало как выстрел. Десять лет лояльности. Десять лет совместных пиров после уборки урожая. Все это испарилось, как пар на морозе, стоило Игорю пообещать золотые горы тем, кто будет ему верен. Или пригрозить пустить по миру тех, кто остался со мной.

Хотелось окликнуть Петровича ещё раз. Только что ему сказать? Ключи уже были у охранника, а старик старательно смотрел мимо меня. Во дворе, где каждый знал мой голос, мне больше некому было позвать на помощь.

Главный коллектор, тот, что командовал процессом, достал лазерный дальномер. Он подошел к нашему флагман-

скому комбайну «Дон», который мы купили пять лет назад, вложив все сбережения. Он начал мерить расстояние до кабины. Луч лазера скользил по металлу, равнодушный и точный.

— Деталь корпуса деформирована, — пробормотал он себе под нос, записывая что-то в планшет. — Списываем стоимость ремонта. Арестуем узлы.

Он махнул рукой помощнику, который полез внутрь моторного отсека. Они не знали, что там, в глубине механизма, я лично установила редкую импортную деталь гидравлики. Ту, которую искала полгода, переписываясь с поставщиками в Германии. Ту, без которой комбайн превращался в груду железа.

Когда помощник потянул за рычаг, чтобы проверить люфт, пластик хрустнул. Звук был отвратительным, скрежещущим. Лампочка индикатора треснула. Капля масла упала в грязь, черная и жирная.

Я следила за его пальцами. Стоит сломать крепление — и снова искать поставщика, ждать доставку, ставить деталь, пока комбайн стоит в ангаре. Он даже не посмотрел, за что тянет. Масло капнуло ещё раз. Помощник полез дальше, а коллектор продолжал записывать стоимость ремонта.

Глава 4

Рев вспыхнул в голове ярко и чисто. Я бросилась вперед. Не думая о последствиях, не думая о безопасности. Я хотела остановить эту руку. Хотела кричать, бить, кусаться.

— Стой! Сука! Не трогай!

Я ударила плечом в грудь главного коллектора. Он качнулся, но не упал. Вместо этого он перехватил мою руку за запястье, развернул и ударил коленом в живот.

Воздух вышибло из легких. Боль была острой, пронзающей, как игла. Я согнулась пополам, пытаясь вдохнуть, но диафрагма отказывалась работать. Охранники скрутили меня, прижимая лицом в сырую землю. Грязь попала в рот, в нос. Запах мокрой глины, мазута и чего-то гнилого заполнил все ноздри.

— Лежать, женщина, — прорычал один из них. — Будешь сопротивляться — добавим статью за нападение. Тебе это надо? Твоему сыну это надо?

Унижение было полным. Я лежала лицом в грязи, как собака. Мои руки были вывернуты за спину. Я не могла плакать. Слез не осталось. Внутри была только холодная, твердая сталь злости. Плакать больше нечем. Нужно думать. Нужно искать выход. Любой ценой.

Тут ворота фермы скрипнули. Тяжело, размеренно.

Из-за ворот показался дорогой черный внедорожник. Ма-

шина остановилась, глуша двигатель. Из нее вышел человек. Высокий, в длинном пальто цвета вороньего крыла. Виктор. Инвестор, владелец соседнего агрохолдинга, человек, о котором говорили как о волке в овечьей шкуре.

Он шел медленно, переступая через лужи, словно прогуливался по собственному саду. Я слышала его шаги и ждала, когда он уже подойдёт. Охранники выпрямились, растерянно оглядываясь. Главный коллектор, державший мою руку, ослабил хватку, но не отпускал.

Виктор остановился в трех шагах от нас. Его взгляд был направлен не на меня, а на документы, которые держал коллектор.

— Вы применяете силу к человеку, который вам ничего не должен, — сказал он спокойно. Голос был низким, бархатным, но в нем звенела сталь.

Коллектор нахмурился.

— Кто вы такой? Здесь судебные приставы. Есть ордер.

Виктор не ответил сразу. Он достал из внутреннего кармана папку, открыл ее и повернул документами к коллектору. Тот покосился, прочитал строчки и побледнел. Буквально посерел.

— Переуступка части требований, — произнес Виктор. — И гарантийное письмо от банка-кредитора о приостановке взыскания. Остальные долги я тоже выкупаю. Ваши действия незаконны. Немедленно прекратите опись имущества и покиньте территорию.

Атмосфера изменилась мгновенно. Как будто кто-то выключил свет в комнате, где играл оркестр, и включил аварийное освещение. Коллекторы переглянулись. Охранники разжали руки. Меня отпустили.

Я поднялась на четвереньки и вытерла кровь с губы тыльной стороной ладони. Вкус был металлическим, соленым. Я подняла глаза на Виктора. Он смотрел на меня сверху вниз. В его глазах не было жалости. Ни капли. Только расчет. Холодный, хищный расчет человека, который оценивает актив.

— Вставайте, Марина Сергеевна, — сказал он, давая мне время подняться.

Я встала. Ноги дрожали. Колени болели от удара. Куртка была порвана, джинсы промокли насквозь.

Виктор сделал шаг ко мне. Он пах дорогим табаком и зимним морозом. Этот запах резко контрастировал с запахом мазута и страха, который витал вокруг коллекторов.

— Вы можете потерять всё сегодня, — сказал он тихо, чтобы слышала только я. — Или можете сохранить свободу действий. Ценой сделки.

— Какой сделки? — прохрипела я. Горло саднило.

— Я выкупаю оставшиеся долги, как и обещал. Все. До последнего рубля. Но расчеты с кредиторами еще впереди.

Я замерла. Это звучало слишком хорошо. Слишком просто. После того, как мир рухнул, предлагать мне спасение было жестоко.

— Условия? — спросила я, чувствуя, как внутри снова

поднимается тошнота от ожидания подвоха.

Виктор усмехнулся. Криво, едва заметно.

— Завтра в семь утра вы будете на моем участке №4. Проблемном. Заброшенном. Вы станете управляющим. Будете выполнять любые мои условия. Любые. Даже если я попрошу вас выйти перед инвесторами и сказать, что вы были ошибкой вашего мужа. Что вы ничего не умеете. Что вы покорны.

Гордость взвилась, как пружина. Я должна была сказать «нет». Я должна была плюнуть ему в лицо. Но я посмотрела на ангар. На разбитый комбайн. На ключи в руках охранника и на Петровича, который уже уходил, не оглядываясь. Я вспомнила голос Димы в телефоне. Если я откажу, Игорь доберется до сына. Тюрьма, долги, позор.

Если я соглашусь, я стану рабом. Но рабом, который может спасти своего ребенка.

— Я согласна, — сказала я. Слова давались тяжело, как глоток кипятка.

Виктор кивнул. Ему было мало этой победы. Он хотел видеть боль.

Пока коллекторы убирали инструменты, быстро и нервно, словно боясь, что хозяин передумает, я полезла в карман куртки. Там, в глубине ткани, нашлась забытая вещь. Флешнакопитель. Маленький, серебристый, с царапиной. Я нашла его два дня назад, когда Игорь якобы «забыл» документы в сейфе. Я не успела посмотреть содержимое, потом начался этот ад.

Я машинально вытащила его, рассматривая.

Виктор убрал папку, достал смартфон и взглянул на экран. В этот момент изображение обновилось. Пришло уведомление. Я непроизвольно бросила туда взгляд.

На экране была фотография. Та самая флешка. Рядом подпись: «Доказательства вины И.В. (Игорь Волков). Дата загрузки: 12.03.2024».

Я перестала дышать. Сверила царапину на фотографии с той, что была на металле у меня в пальцах.

Он знал. Он знал о ней заранее. Он ждал именно этого момента. Когда я буду сломлена физически и эмоционально. Когда я буду готова продать душу за спасение сына. Эта помощь не была случайностью. Это была ловушка, сплетенная из моих же страданий. Виктор контролировал даже мелочи. Даже то, что я считала своим тайным козырем.

Я посмотрела на него. Он поймал мой взгляд. Улыбка стала шире. Не злой. Довольной. Как у кошки, которая загнала мышку в угол и знает, что та никуда не денется.

— Хорошая память, Марина, — сказал он. — Но бесполезная. Для меня она имеет ценность. Для вас — риск.

Я сжала флешку в кулаке до боли. Костяшки пальцев побелели.

Виктор протянул мне носовой платок. Белый, накрахмаленный, пахнущий лавандой. Я взяла его дрожащей рукой и прижала к кровоточащей губе.

— Завтра в семь утра, — повторил он свой ультиматум,

глядя мне прямо в глаза. В его взгляде читалось предупреждение: «Попробуй ослушаться». — Если опоздаешь хотя бы на минуту, я заберу всё. Включая твою фамилию.

Машина уехала, оставив после себя клубы выхлопа и тишину. Тишину, в которой было слышно, как капает вода с крыши ангара.

Я стояла посреди двора, держа в одной руке платок с чужим запахом, а в другой — маленькую серебряную пластинку, которая теперь была моим пропуском в ад или билетом к свободе. Флешку я не отдам. Завтра придется работать на Виктора, но эту пластинку он пока не получил.

Гараж пах ржавчиной и старой смазкой. Среди знакомых инструментов я могла хотя бы перевести дух, хотя ледяной ветер пробирался сквозь дырявые ворота. Я сидела на перевернутом ящике из-под запчастей, а в руках сжимала папку, найденную под слоем пыльных тряпок за стеллажом. Руки дрожали не от холода, а от того, что я видела внутри.

Бумажные листы были пожелтевшими, но чернила свежие. Договор о передаче прав на землю. «Зелёная долина». Дата пять лет назад. И подпись. Моя подпись.

Я прищурилась, поднеся лист к единственной тусклой лампочке. Это была не я. Никогда в жизни я не ставила так букву «М», с тем острым углом сверху. Это была грубая, бездарная имитация. Игорь не уговаривал меня. Он просто подделал документы, пока я спала или была в рейсе за семенами. Я провела ногтем под подписью, стараясь не задеть чернила.

За этим угловатым «М» были мои поля и дом. Пока я подбирала семена и считала урожай, он учился писать моё имя — достаточно похоже, чтобы забрать всё, не спрашивая меня.

Резкий звонок телефона разорвал тишину гаража. Я вздрогнула, чуть не уронив папку. На экране высветился номер адвоката Игоря.

— Марина Сергеевна, здравствуйте, — голос был сладким, как прогоркшее масло. — Нам известно, что вы изъяли документы из жилого помещения после наложения ареста. Верните их немедленно. В противном случае мы будем вынуждены подать заявление о краже имущества бывшего супруга. Вам грозит реальный срок.

Тошнота поднялась комом в горле. Кража? Своих же бумаг? Их собственных документов, подтверждающих право собственности на то, что было моим потом и кровью?

— Вы меня шантажируете? — прошипела я, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь.

— Мы защищаем интересы клиента, — последовал равнодушный ответ. — У вас есть двадцать четыре часа.

Я сбросила вызов. Пальцы скользили по экрану, потные и липкие. Эти бумаги — мой единственный козырь. Отдам добровольно — и меня сотрут в пыль юридически и физически. Но если они нужны ему настолько сильно... значит, они опасны для него. Значит, схема не идеальна. Есть брешь.

Глава 5

Тень упала на бетонный пол. Я резко обернулась. Виктор стоял в дверях гаража, заложив руки за спину. Его дорогой костюм контрастировал с грязным полом, будто он случайно забрел сюда из другого мира. Он не сказал ни слова. Просто подошел ближе, протянул руку и забрал папку из моих пальцев.

Я хотела кричать, возмущаться, но язык присох к нёбу. Виктор спокойно перелистнул страницы, его лицо оставалось каменной маской. Затем он бросил папку обратно на верстак. Шлепок получился оглушительным.

— Мусор, — произнес он низким, бархатным голосом. — Он требует вернуть бумаги и пугает сроком. Почему не пришел за ними сам?

— Потому что боится! — выпалила я, вскакивая на ноги. Сердце колотилось где-то в горле. — Он знает, что эти подписи фальшивые!

Виктор усмехнулся. Холодно, цинично. Он указал пальцем на дату договора.

— Посмотри внимательно, Марина. Документ составлен задним числом. По этому листу ты не установишь, когда он подписан. Контора, от которой здесь печать, лопнула два года назад. Архивы сгорели. Откуда документ взялся, кто его проводил — всё придется доказывать. Ты держишь зацепку,

Марина. Не готовый приговор.

Я замерла. Логика Виктора была железной, как рельсы. Я смотрела на него с ужасом и злостью одновременно. Он знал детали дела лучше, чем жертва. Лучше, чем следователь. Как? Откуда у него такая точность? Неужели он копал под Игоря еще до того, как тот начал игру? Или... он участвовал в ней?

Этот вопрос сверлил мозг больнее, чем осознание подлога. Виктор не просто инвестор. Он наблюдатель. Хищник, который знает повадки своей добычи слишком хорошо.

Забрав папку с верстака, я вышла из гаража, когда солнце начало клониться к закату. Воздух снаружи казался разреженным. Пока я шла к дому, перед глазами всплыло воспоминание. Пять лет назад. Кухня. Теплый свет настольной лампы. Игорь обнимает меня сзади, целует в макушку. Его губы мягкие, голос бархатный: «Марина, дорогая, налоговая служба сейчас особенно активна. Давай оформим землю на юрлицо через мою фирму. Так безопаснее. Я просто хочу защитить наш дом».

Я тогда поверила. Потому что любила. Потому что он был рядом, когда у меня умер отец, когда я теряла урожай из-за заморозков. Он был опорой. Сейчас этот образ вызвал не ностальгию, а физическую боль. Тошнотворную, скребущую по внутренностям. Я была не партнером. Я была ресурсом. Активом, который методично, шаг за шагом, выжимали досуха, чтобы использовать его стоимость для игры на бирже.

Любовь умерла. Осталось презрение. Густое, черное, ядовитое.

Задняя дверь, к которой я подошла, оказалась приоткрыта. В опечатанный дом кто-то вошел раньше меня. Внутри было темно и тихо. Я включила свет на кухне, но не успела сделать и шага, как услышала шум наверху. Тяжелые шаги сына. Дима появился на пороге кухни. Ему двадцать, высокий, широкоплечий, с моими глазами. Сына от первого брака Игорь растил с десяти лет; Дима давно звал его папой. Лицо его было искажено от гнева и унижения.

— Мама, — голос дрожал. — Меня отчислили. Сегодня утром. Приказ по университету. «Задолженность по оплате обучения». Знаешь, кто это запустил? Та рыжая девица, которую твой муж водит по клубам. Она выложила сторис, где смеется над тем, как ты теперь живешь в бараке, потому что «баба не смогла удержать мужика».

Я шагнула к Диме, но он отступил от порога. Хотелось обнять его, как маленького, когда он приходил жаловаться после школы. Только сейчас он не ждал утешения. Он стоял напротив и ждал, что я отвечу за всё это.

— Это ложь, Дима, — начала я, но он перебил меня.

— Ложь?! А почему счета заморожены? Почему юристы звонят мне с угрозами? Почему отец исчез, а ты... ты даже не можешь объяснить, что происходит! Ты всегда была слабой, мама. Ты позволяла ему решать все за нас. И вот результат.

Слово «слабой» ударило сильнее любой пощечины. Я по-

смотрела на сына. В его глазах читалась смесь жалости и ненависти. Он обвинял меня в том, чего я не совершала. Он видел лишь последствия, но не причины.

Я молча положила принесенную папку на кухонную столешницу. Достала договор. Положила перед ним.

— Смотри, — сказала я сухо, без интонаций. — Видишь эту подпись?

Дима недоуменно хмыкнул, но посмотрел.

— Это моя подпись, — продолжила я. — Но я никогда её не ставила. Игорь подделал её, а вверху поставил дату пятилетней давности. Он продал нашу землю, заложил технику, взял кредиты под залог того, чем мы с тобой жили. Он не просто ушел, Дима. Он предал нас. Системно. Цинично.

Сын молчал долго. Его взгляд метался между бумагами и моим лицом. Я видела, как меняется выражение его глаз: сомнение, поиск оправдания отцу, и вдруг — понимание. Точка невозврата.

— Он... он сделал это сам? Без тебя? — спросил Дима тихим, чужим голосом.

— Без меня. Когда именно — я не знаю. Но я этого не подписывала.

Дима снова наклонился к договору. Он искал что-нибудь ещё: другую дату, пометку, любое объяснение, после которого отец не оказался бы лжецом. Я не торопила его. Когда он наконец поднял голову, пришлось удержаться, чтобы не сказать привычное «всё будет хорошо». Теперь ему нужны

были ответы, а мне — способ вернуть то, что у нас забрали.

После ухода Димы, который закрылся в своей комнате, я осталась одна на кухне. Тишина давила на уши. Внезапно послышался звук открываемой двери входной группы. Не резкий, а уверенный.

Виктор вошел в кухню. Стульев здесь уже не было: снятое пальто он положил на подоконник, будто приходил сюда каждый вечер.

— Мальчик умный, — заметил он, доставая из кармана пачку сигарет, но не закуривая. — Быстро считает.

Я развернулась к нему, сжимая кулаки.

— Чего ты хочешь? Чтобы я снова просила помощи? Чтобы ты диктовал условия, как этот... этот паразит?

Виктор подошел ближе. Запах дорогого табака и кожи окутал меня. Он остановился всего в полушаге. Слишком близко. Опасно.

— Я могу вернуть его в университет, — сказал он ровно. — Закрою задолженность по оплате и поговорю с ректором. Сегодня же. Пускай Дима вернется к учебе.

Сердце пропустило удар. Спасение сына. Цена вопроса — моя свобода действий.

— Что взамен? — спросила я, хотя знала ответ.

— Контракт. Управление моим хозяйством в Заречье. Начинаешь завтра в семь утра. Полная ответственность за убытки. Полная зависимость от моего решения.

Наверху был Дима. Он уже видел поддельную подпись от-

ца, а теперь я должна была пойти и сказать ему, что учёбы тоже не будет? Виктор ждал передо мной, даже не пряча, какую цену назначил. Работать на него после всего услышанного было тошно. Оставить сына без помощи я всё равно не могла.

— Хорошо, — процедила я. — Но работать буду только на территории фермы. Без личного контакта вне рабочих вопросов. И никаких игр в "спасителя".

Виктор улыбнулся. Уголок рта дернулся вверх.

— Принято. Кабинет ждёт.

До «Сокола» мы ехали молча. Я смотрела в окно, как мокрые поля сменяются застройкой поселка, и надеялась, что контракт окажется таким, как Виктор только что описал, — а не тем, что принято прятать между строк.

Офис агрохолдинга «Сокол» находился на окраине поселка. Стекло, бетон, стерильная чистота. Кабинет Виктора был на третьем этаже. Вид на поля, которые когда-то принадлежали мне, открывался панорамный.

Я сидела напротив него, глядя на распечатанный контракт. Текст мелкий, юридический, плотный. Каждый пункт — цепи. Ответственность, сроки, штрафы.

Виктор наблюдал за моей рукой, держащей шариковую ручку.

— Подпиши внизу, страница 12, — сказал он.

Я выдохнула. Кончик ручки коснулся бумаги. Чернила пошли.

— Подпись — это просто графика, Марина, — внезапно произнес Виктор. Его голос звучал мягко, почти нежно. — Важна суть сделки.

Ручка замерла. По спине пробежал холодок. Эта фраза. Точно такая же интонация. Те же слова. Пять лет назад Игорь говорил их мне, убеждая довериться ему в вопросах оптимизации.

Я подняла глаза на Виктора. Он смотрел на меня прямо, без моргания. В его темных глазах не было тепла. Только расчет. И знание.

Откуда у него эта фраза? Слышал её от Игоря? Или сам научил его так говорить? Я держала ручку над недописанной подписью и всё смотрела на Виктора.

Виктор был частью системы. Той самой системы, которая «спасала» меня от банкротства пять лет назад, создавая видимость поддержки, чтобы потом, когда я упаду достаточно низко, оставить мне один выход — к нему. Он ждал этого момента. Ждал, пока Игорь доведет меня до дна, чтобы стать единственным выходом. Моим новым хозяином.

Ужас смешался с яростью. Я закончила подпись. Резко, небрежно. Бросила ручку на стол.

— Готово, — отчеканила я.

Виктор забрал контракт, быстро просмотрел его и положил в сейф. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Завтра в семь, — повторил он. — Одевайся тепло. Земля не прощает слабости.

Я вышла из кабинета. Коридор был пустым и гулким. В кармане куртки завибрировал телефон. Я достала его. На экране высветилось имя: «Игорь».

Не брать трубку. Ни за что. Я сунула телефон обратно, ускоряя шаг. Но когда я поравнялась с открытой дверью лифта, где стоял Виктор, ожидая, пока она закроется, я поймала его взгляд.

Он улыбался. Тепло. Дружелюбно. И абсолютно опасно.

Такая же улыбка была у Игоря на нашей летней фотографии в телефоне. Улыбка человека, который уже выиграл.

Глава 6

В опечатанном доме оставаться было нельзя. Утренний выезд на поле Виктор отложил: сначала оформление в Москве. Подвал хостела «Уют» пах мокрой шерстью, дешевым дезинфектантом и чужим отчаянием. Матрас на раскладушке был тонким, как блин: поперечная перекладина давила в спину, а от бетонного пола тянуло холодом. Минус пятнадцать за окном просачивался сквозь щели в вентиляции, кусая ноги до онемения. Я лежала, свернувшись калачиком, натягивая единственную куртку поверх одеяла с серыми разводами плесени, и считала секунды до утра. Каждое дыхание вырывалось белым облаком, таяло в темноте, оставляя привкус металла во рту.

Лена, моя подруга и администратор этого притона для тех, кому некуда деться, шепеляво всхлипнула рядом. Она спала на соседней койке, укрывшись своим пальто.

— Маринка... — её голос дрожал, словно струна перед обрывом. — Хозяйка узнала. Про долги. Про коллекторов. Она сказала: если они придут сюда, нас всех закроют. К утру тебя здесь быть не должно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.